

Толпа постепенно снова пришла в движение, и Фу Сиянь, наконец, оправился от недавнего ужаса. Подаренный дядей «колокольчик» висел у него на поясе, но в этот раз он не издал ни звука. Это означало, что противник лишь прощупывал почву и не собирался убивать его на месте. А вот он сам повел себя слишком опрометчиво, выдав свою панику и отсутствие уверенности.

Впрочем, винить его было сложно.

Он годами забросил занятия боевыми искусствами. Даже обрета внутреннюю энергию, он владел лишь теми приемами, которые выучил до десяти лет. Если противник был слабее, он мог попытаться его запугать, но стоило столкнуться с кем-то сильнее — и он был готов сдаться, лишь бы это выглядело достаточно быстро и достойно.

Они дошли до края улицы и присели на камень отдохнуть.

Чжоу Чжунсинь тихо спросил, не стоит ли им укрыться в Лоянской управе.

После того как император приказал перенести столицу, статус лоянского градоначальника значительно вырос. Прежний чиновник только успел моргнуть — и на него свалилось счастье: из префекта четвертого ранга он превратился в главу столичного округа третьего ранга.

Но, как говорится, что принесло успех, то может его и погубить. Должность, сулящая блестящее будущее, привлекла внимание всех влиятельных кланов. И только из-за того, что претендентов оказалось слишком много и они завязли в спорах, нынешний градоначальник получил передышку. Как только знатные дома решат, кому достанется этот кусок пирога, его карьера будет закончена.

Эту новость Фу Сюань сообщил им еще до отъезда из столицы.

Он также наставлял, что в крайнем случае можно навестить этого опального чиновника — поместье графа Юнфэна, конечно, не сможет удержать его на этой должности, но приложив усилия, вполне способно помочь ему перевестись на другое теплое местечко.

Фу Сиянь покачал головой.

Мастер, превосходящий по силе Чу Гуана, — не тот противник, с которым справится местный градоначальник. Если они заявятся туда, то лишь навлекут беду на людей в управе.

— Он уже приходил один раз, — сказал он, — вряд ли вернется снова.

Чжоу Чжунсинь доверял его суждениям и не стал настаивать.

— Но если вдруг, — Фу Сиянь придержал его за рукав и добавил с предельной серьезностью, — я говорю, если вдруг он вернется, мы разделимся и побежим в разные стороны.

Лицо Чжоу Чжунсиня изменилось, он хотел что-то возразить, но Фу Сиянь решительно прервал его:

— Если я побегу один, у меня есть шанс выжить. Но если ты будешь рядом, он использует тебя, чтобы угрожать мне, и тогда у меня не останется никакого выхода.

Сказав это, он добавил, что не стоит понапрасну рисковать.

Чжоу Чжунсинь хотел было продолжить, но Фу Сиянь остановил его взглядом и похлопал по плечу:

— Это просто план на случай непредвиденных обстоятельств. Надеюсь, этого не случится. Посмотри на себя: седьмой день седьмого месяца давно прошел, а ты все еще разыгрываешь из себя Пастуха и Ткачиху.

Если бы сегодня с ним пошла Чжоу Гэн-гэн, она бы вряд ли послушалась, сколько бы Фу Сиянь ее ни уговаривал. Но Чжоу Чжунсинь был предан, и после недолгих колебаний все же согласился.

Однако остаток пути Чжоу Чжунсинь провел в состоянии полной боевой готовности, словно попал в пьесу, где каждый прохожий — злоумышленник, желающий ему зла. Лишь когда вдалеке показался лагерь гвардейцев в парчовых халатах, он наконец немного выдохнул.

И именно в этот момент расслабленности!

Узкий клинок метнулся прямо к затылку Фу Сияня, и в тот же миг колокольчик у него на груди неистово задрожал. Впервые магический артефакт среагировал позже, чем сам нападавший.

Это означало лишь одно: мастерство убийцы превосходило уровень Тан Гуна!

Поскольку на дороге не было укрытий, а противники находились на некотором расстоянии, Фу Сиянь чудом успел развернуться и увернуться.

Чжоу Чжунсинь бросился на помощь, но Фу Сиянь, используя инерцию своего движения, оттолкнулся от земли и что есть мочи помчался обратно в сторону рынка.

Это застало врасплох не только Чжоу Чжунсиня, но и самого убийцу.

Впрочем, тот явно не придавал этому значения. Взмахнув мечом, он выпустил поток внутренней энергии, плотной, как ливень, в сторону Чжоу Чжунсиня, а затем, не оглядываясь, бросился в погоню за Фу Сиянем.

Чжоу Чжунсинь оказался отрезан, и когда он наконец смог броситься вдогонку, оба уже исчезли из виду.

Тут он вспомнил о данном обещании и, развернувшись, побежал к лагерю гвардейцев.

На самом деле, Фу Сиянь решил бежать обратно не только ради того, чтобы увести убийцу от Чжоу Чжунсиня. Куда важнее было то, что сильнейшим мастером в лагере был Чу Гуан, а его мастерства точно не хватило бы, чтобы спасти Фу Сияня.

Убийца стремительно приближался. Фу Сияню пришлось бежать зигзагами, чтобы хоть немного выиграть время, но дистанция все равно неумолимо сокращалась.

Когда убийца занес меч для решающего удара, чья-то фигура внезапно возникла между ними и, не говоря ни слова, метнула шумовую гранату.

Раздался оглушительный грохот, прохожие в десяти чжанах от них в ужасе подпрыгнули, но убийца не остановился. Полагаясь на защиту своей внутренней энергии, он прорезал дымовую завесу, и скорость его клинка ничуть не уменьшилась.

Фу Сиянь снова применил технику защиты панциря черепахи, сосредоточив всю свою энергию в спине, но в этот раз он не питал иллюзий. В конце концов, в прошлый раз Тан Гун не был вооружен.

И в тот момент, когда кончик меча почти коснулся его спины, раздался глухой звук — еще один человек заслонил его собой. Красное лезвие пронзило тело незнакомца, издав неприятный шипящий звук, словно от ожога.

Человек осел на землю. Хотя он не прислонялся к спине Фу Сияня, тот почувствовал, как его придавило такой тяжестью, что стало трудно дышать.

— Беги! — парень, бросивший гранату, толкнул его в спину. — В текстильную лавку Сяньюнь!

Фу Сиянь сделал несколько неуверенных, шатающихся шагов вперед. На душе было тошно. Когда-то он просил Чжоу Чжунсиня не лезть в это дело, а теперь двое незнакомых парней пожертвовали собой ради него, и он даже не мог обернуться.

Обернуться — значит предать их жертву.

Теперь можно было окончательно исключить, что этот страшный убийца — Пэй Юаньцин. Мало того, сам Пэй Юаньцин стал его единственной надеждой на спасение.

Но...

Но...

Но где, черт возьми, эта текстильная лавка Сяньюнь?!

Он бежал из последних сил, не зная, как долго и как далеко. Перед глазами все плыло в кроваво-красной пелене, и вдруг в этом красном мареве возникло то самое облако, украшенное дождем.

Приказчик лавки с изумлением уставился на растрепанного толстяка, который ворвался внутрь. Он уже хотел было заслониться рулоном ткани, как тот внезапно остановился сам.

Фу Сиянь не знал, насколько жалко он выглядит в глазах окружающих. Опершись на дверной косяк, он выпалил:

— Мне нужен ваш молодой господин!

Приказчик нахмурился:

— Ты кто такой?

— Я друг вашего молодого господина.

Приказчик явно не верил, что у их утонченного и изысканного хозяина может быть такой неряшливый знакомый. Но правила дворца были строги, и он неохотно согласился спросить:

— Жди здесь.

— У меня нет времени ждать! — Фу Сиянь, вспоминая кровь, стекавшую с того меча, пришел в неистовство. — Веди меня к нему! Я... я... я жена вашего молодого господина!

Этот крик был не слабее взрыва шумовой гранаты.

Казалось, вся улица содрогнулась от этого звука.

В наступившей тишине на втором этаже лавки со скрипом открылось окно, и в проеме

показалась половина холодного, прекрасного лица.

Фу Сиянь посмотрел на него и чуть не заплакал от облегчения:

— Господин, спасайте!

Голос за его спиной с любопытством спросил:

— Кого еще спасать?

— Спасать... — Фу Сиянь, узнав этот голос, замер и обернулся. Тот самый парень, который еще минуту назад прощался с жизнью и кричал ему бежать в лавку Сяньюнь, стоял перед ним целый и невредимый.

Сердце Фу Сияня забило в испуге:

— Ты жив?

Парень улыбнулся, обнажив ряд белых зубов:

— Раз не смог победить, так хоть убежать-то я могу. Ноги-то не отсохли!

Фу Сиянь, который чуть было не остался без ног, промолчал.

Он посмотрел за спину парня:

— А твой товарищ?

— Пошел лечиться, — ответил тот. — Если ранен, надо лечиться, не дурак же он.

Фу Сиянь: «...» Почувствовал себя и безногим, и дураком одновременно.

— Тебе больше никого спасать не надо? — спросил парень. — Тогда я пойду?

— Позвольте узнать ваше имя. — Это были его спасители, великая милость не требует слов благодарности, но подарок должен быть достойным. Оправившись от потрясения, Фу Сиянь быстро пришел в себя, сорвал с пояса нефритовый кулон в форме рыбы, от которого у ростовщика текли слюнки, и сунул парню в руку. — Возьми пока это. Как только я вытрясу долг из того простофили, обязательно отблагодарю вас как следует.

Парень, работавший в отделе электричества так долго, впервые получил чаевые. Он растерялся, но тут над их головами...

Пока Пэй Юаньцзинь, прошедший ночь в разъездах, отдыхал в своих покоях, Фу Сиянь бродил по саду во внутреннем дворе, заложив руки за спину.

Садик был крошечным, но каждый клочок земли использовался с умом. Извилистая каменная тропинка делила его на две части: с одной стороны цвели розы, с другой стояли горшки с хризантемами. Розы цвели, пока хватало солнца и тепла, поэтому их сажали постоянно, а вот хризантемы явно были сезонными новинками.

Приказчик, который еще вчера считал его вид жалким, теперь подобострастно подбежал к нему:

— Эти хризантемы привезли позавчера. Зеленые называются Зеленое облако, белые — Десять чжанов опущенных занавесей, все редкие сорта.

Фу Сиянь не знал, кажется ли ему, или цвета были выбраны с намеком.

— Это ваш молодой господин выбирал? — спросил он.

Приказчик посмотрел на него со странной, многозначительной улыбкой:

— Не наш молодой господин выбирал.

Фу Сиянь: «...» Ты можешь еще сильнее подчеркнуть эти слова?

— Хризантемы прислала наша управляющая Цю, — добавил приказчик.

Фу Сиянь еще не был с ней знаком:

— А где же главная управляющая?

— Управляющая Цю заведует торговым домом Сянъюнь в Лояне и обычно здесь не живет, — пояснил приказчик. — Лавка эти дни закрыта, поэтому мы все здесь, чтобы прислуживать молодому господину.

Фу Сиянь не понимал внутренней структуры Дворца Хранителей Бессмертия, но ему показалось расточительством закрывать лавку ради приема гостей. Впрочем, вспомнив

вчерашние бухгалтерские книги, он подумал, что закрытие лавки — это, может, даже меньший убыток.

Позавтракав, он добросовестно отправился в комнату работать.

Горы бухгалтерских книг были уже рассортированы, Юй Сухуань занималась счетами поместий.

Фу Сиянь просматривал бумаги: это были доходы только одного лоянского отделения. Если сложить все активы во всей Северной Чжоу, цифры должны были быть астрономическими.

Он невольно озвучил свои мысли, на что Юй Сухуань рассмеялась:

— Не только Северная Чжоу. У нас есть дела в Южной Юй и на западных рубежах.

Она потерла затекшую шею и встала:

— Только вот хозяйство большое, а доходы не всегда радуют.

На самом деле, еще вчера Фу Сиянь заметил кое-что в книгах, но, будучи чужаком, не мог вмешиваться во внутренние дела клана. Он лишь уклончиво заметил:

— Верно, в большом лесу всякие птицы водятся.

Юй Сухуань удивленно посмотрела на него и слабо улыбнулась:

— Если бы не ты, эти нудные счета так бы и лежали на мне одной, и не знаю, когда бы я с ними закончила.

Фу Сиянь криво усмехнулся:

— Даже со мной — работы до скончания веков.

Юй Сухуань отложила книгу:

— На самом деле, что одну книгу смотреть, что сто — почерк везде один и тот же.

Фу Сиянь удивился, что она так легко произнесла слово «почерк» (в значении махинаций).

Юй Сухуань пояснила:

— Как ты и сказал, в большом лесу всякие птицы водятся. Есть те, кто прячется за спинами и наслаждается жизнью, а есть те, кого выставляют козлами отпущения. Поймать стрелочника легко, а вот вытянуть главного зачинщика — задача не из простых.

В отделе Грома был Лу Жуйчунь, связанный с Тан Гуном, в отделе Дождя — сплошная неразбериха. Фу Сиянь начал понимать, что этот грозный Дворец Хранителей Бессмертия не так уж безупречен, как казалось со стороны.

Однако у больших свои трудности, у маленьких — свои заботы.

Например, он сам: сидел дома, а беда пришла откуда не ждали. Вражда с Чу Гуаном, Чу Шаояном и Чжан Дашанем еще не улажена, а тут еще объявился мастер-убийца.

И Дворец, под чьим крылом он сейчас находился, выглядел дружелюбно, но пилюля Смешанного Ян, которую он принимал, оставалась бомбой замедленного действия. Кто знает, не придумают ли они способ извлечь ее обратно из организма...

Неизвестно, какой метод они выберут: варку, жарку или тушение — лишь бы он оказался повкуснее.

Фу Сиянь с тоской спросил:

— А аптекарь Цзян не приехал?

— Он уже стар, не стоит ему мотаться по дорогам, — ответила Юй Сухуань.

Фу Сиянь посмотрел на книги:

— С какой мне сегодня начать?

Юй Сухуань улыбнулась:

— На улице такая прекрасная осень, не хочешь прогуляться?

Фу Сиянь посмотрел на нее с укоризной. Думаете, он не хочет? Он боится.

Юй Сухуань поняла его без слов:

— Если ты боишься вчерашнего убийцы, то он уже сбежал.

Пэй Юаньцзинь взял на себя убийство, а отдел Электричества — уборку трупа, так что следов не осталось. О смерти убийцы решили умолчать по двум причинам.

Во-первых, за спиной господина Киля стоял Город Десяти тысяч зверей. Дворец и так переживал не лучшие времена, плодить новых могущественных врагов было не к чему.

Во-вторых, было неясно, зачем господин Килинь охотился на Фу Сияня. Чтобы не получилось так, что они убьют одного, а им пришлют второго, лучше позволить «господину Килиню» еще немного «погулять» на свободе.

Фу Сиянь приободрился:

— Правда?

— Даже если не веришь мне, должен верить молодому господину, — сказала Юй Сухуань.

Фу Сиянь подумал: ну, тогда я, конечно, выбираю верить тебе.

Как временный работник без зарплаты, он не преминул воспользоваться предложением босса и, прихватив Чжунсиня и Гэн-гэн, радостно отправился на улицу. Проходя мимо доски объявлений, он заметил, что третий принц уже начал набор рабочих для строительства нового дворца в Лояне.

Пусть император Цзяньхун был жесток к чиновникам, к простым людям он относился весьма благосклонно. Подобные наборы всегда подразумевали сытную еду и небольшое жалованье, к тому же сейчас был сезон затишья в полевых работах, так что желающих было хоть отбавляй.

Градоначальник Лояна прислал писца, который расписывал радужные перспективы: как только построят новый дворец, император со всем двором переедет сюда. Лоян станет центром Северной Чжоу, и лоянцы станут куда знатнее остальных. Чем быстрее построят дворец, тем быстрее все станут жителями новой столицы!

Эта странная теория каким-то образом подогрела энтузиазм людей, и число желающих резко возросло.

Фу Сиянь с интересом наблюдал за этим.

Похоже, градоначальник был мастером интриг: пока он еще сидел в своем горячем кресле, он вовсю открывал двери для третьего принца. Если все пройдет гладко и он удачно примкнет к лагерю принца, то вполне может сохранить свою должность.

Даже по этой мелочи можно было заметить, какие бури ждут Лоян в будущем.

Фу Сиянь продолжил прогулку по рынку.

В отличие от вчерашнего дня, сегодня он не тратил денег, а в основном изучал рынок. Даже если он откроет свою первую лавку в Хаоцзине, в будущем в Лояне обязательно нужно будет открыть филиал.

Узнав цены, он невольно присвистнул. Дворец еще не построили, а аренда в Лояне уже перегнала хаоцзинскую. Цены на покупку помещений были и вовсе заоблачными, но даже при этом нормальные места расхватывали как горячие пирожки.

Фу Сиянь забеспокоился: если так пойдет и дальше, жизнь в новой столице станет непомерно «дорогой».

С этим тяжелым чувством он дождался полудня.

Оставив Чжунсиня и Гэн-гэн у входа, он вошел в ломбард.

Хозяин ломбарда все так же жевал лапшу.

— Заложить или выкупить... о? — Постоянных клиентов было немало, но тех, кто приходил каждый день, он видел впервые. Хозяин даже не взглянул на монеты, а весело спросил: — О чем хочешь разузнать сегодня?

Фу Сиянь поманил его пальцем, и когда тот наклонился, прошептал:

— Вчера на меня совершили покушение, хочу знать, кто это был.

Хозяин ломбарда помолчал, а потом спросил:

— Он нападал на тебя, ты хоть разглядел его лицо?

Фу Сиянь вспомнил сцену: обмен ударами, блеск клинков — лицо видел, но не разглядел.

Хозяин сказал:

— Ну вот, ты сам как участник не разглядел, а я, сидя в ломбарде, откуда могу знать?

Фу Сиянь удивился:

— Разве ты не всезнающий?

— Я осведомленный, а не ясновидящий.

Фу Сиянь был разочарован. Оказывается, всезнающие информаторы из книг — это сказки.

Хозяин, боясь потерять щедрого клиента, поспешно добавил:

— Ладно, есть у меня одна новость из Хаоцзина, стоит три лян.

— Один цянь.

Хозяин потерял дар речи:

— Не слишком ли жесткий торг?

Фу Сиянь кивнул:

— Угу.

Хозяин смотрел на него, он смотрел на хозяина.

Через некоторое время хозяин понял. Тот хотел сказать: я признаю, что торгуюсь жестко, и что с того?

Ну что же...

Хозяин со вздохом принял один цянь и поманил его рукой:

— Помнишь племянника наложницы Чэнь?

Фу Сиянь: «...»

Снова облапошили на один цянь!

Хозяин, заметив его помрачневшее лицо, заторопился:

— В этот раз не про рога, в этот раз про то, что его с ними поймали!

Фу Сиянь представил себе этот хаос и заинтересовался:

— О?

— В общем, наложница племянника родила и почему-то впала в тоску, перестала есть, захотела молиться в храме Минцзи. Только отправили ее в горы, как начался ливень, племянник развернулся назад и застукал их с любовником на месте преступления! Он в ярости набросился на монаха Чжицзи и забил его до смерти. Теперь дело дошло до столичной управы, племянник в тюрьме. Наложница Чэнь несколько раз просила аудиенции у императора, но тот ее не принял.

История была любопытной:

— Император не хочет оказать услугу наложнице?

Это было странно. До восшествия на престол нынешнего правителя никто не ставил на него гроша. Император Цзяньхун приложил немало усилий, чтобы привлечь наложницу Чэнь на свою сторону, и они вместе устранили всех сильных врагов.

Чтобы показать свою благодарность, после коронации он относился к ней с большим уважением. Убийство по неосторожности — такая мелочь, в былые времена на это даже не обратили бы внимания.

Когда-то родственники наложницы Чэнь совершили в родных краях десяток чудовищных убийств, и пострадавшие дошли до Хаоцзина, ударив в барабан у входа во дворец. Весь мир содрогнулся. Левый цензор поднял шум на утреннем докладе, министры поддержали его с таким жаром, что чуть не поубивали друг друга, требуя правосудия. Хотя за этим стояло желание чиновников приструнить нового императора, но, заняв морально высокую позицию, они почти захватили общественное мнение.

В итоге император Цзяньхун под предлогом неясности дела отправил его на пересмотр, потом на повторный пересмотр, потом в смешанную комиссию и тянул три года. А как только вынесли приговор, он объявил болезненного старшего сына наследником и объявил амнистию. Семья Чэнь, просидевшая в тюрьме меньше трех дней, вышла на свободу с высоко поднятой головой.

С тех пор император постепенно показал свое истинное лицо, и дело было замято.

<http://bllate.org/book/19792/1950362>